

УДК 165

DOI: 10.34670/AR.2023.66.97.001

Апории компатибилистского решения проблемы докастической ответственности

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, пер. Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

В статье представлен анализ принципов компатибилистского подхода к решению проблемы докастической ответственности. Содержание этой проблемы определяется с учетом критики волюнтаристических допущений относительно способности субъекта осуществлять эффективный контроль собственных убеждений, достаточный для утверждения ответственности субъекта за усвоение и поддержание убеждений, удовлетворяющих стандартам эпистемического качества. Рассматривается вопрос о необходимости для утверждения докастической ответственности субъекта каждого из условий руководящего контроля – условия собственности механизма (процесса) формирования убеждений и условия чувствительности этого механизма к разумным (эпистемическим) причинам. Рассматривается альтернативная – феноменологическая гипотеза: конституентом сознательности восприятия является охваченность потока впечатлений актуальным горизонтом сознания, интегрирующим, в числе прочего, дорефлексивные эвиденциальные регуляторы, к числу которых относится диспозиция распознавать и реагировать на факторы, подрывающие индуцируемую опытом уверенность. Для раскрытия понятия эвиденциального регулятора используется комбинация дефиторологического подхода с феноменальным консерватизмом. Однако вопрос определения степени контролируемости убеждений, которая была бы достаточной для утверждения докастической ответственности субъекта, остается открытым, пока не найдены критерии ограничения спектра контрфактических ситуаций, в которых должно проявляться диспозициональное свойство механизмов отзываться на причины.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Апории компатибилистского решения проблемы докастической ответственности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 7А. С. 5-32. DOI: 10.34670/AR.2023.66.97.001

Ключевые слова

Этика убеждений, докастическая ответственность, эпистемический деонтологизм, компатибилизм, докастический волюнтаризм, контроль управления, когнитивный процесс, чувствительность к причинам, эвиденциальный регулятор, контрфактическая ситуация.

Введение

Проблема докастической ответственности в ее эпистемологической спецификации определяется как проблема определения условий, необходимых и достаточных для утверждения ответственности субъекта за усвоение и поддержание убеждений, удовлетворяющих стандартам эпистемического качества.

Чтобы полагать убеждения надлежащими объектами эпистемико-деонтических оценок, считая субъекта ответственным за докастические установки, которые он усваивает и поддерживает, необходимо обосновать допущение относительно эффективной контролируемости процессов формирования убеждений и регулируемости докастической сферы в целом: «Каждое убеждение может оцениваться деонтологически, при условии, что поддержание убеждений в целом является сознательно контролируемым» [Alston, 1988, 262]. Такое допущение рассматривалось критиками деонтологической теории эпистемического обоснования и некоторыми теоретиками в области метафизики и феноменологии убеждений как выражение позиции докастического волюнтаризма.

В определении докастического волюнтаризма эпистемологи изначально использовали аналогию усвоения убеждений, закрепляющих уверенность в истинности или ложности какой-либо пропозиции, или воздержания от того, чтобы поддерживать убеждения, с преднамеренным совершением определенных действий, которые (при наличии физических возможностей) являются в той же мере контролируемыми, сколь и произвольно мотивированными: «Человек является свободным в плане определения того, во что верить, в примерно том же самом смысле, в каком он является свободным в отношении того, что он делает» [Heil, 1983, 355].

Однако, как показывают исследования, позиция докастического волюнтаризма имеет модальные и концептуальные модификации, которые определяются (1) в зависимости от того, является ли предполагаемый контроль над убеждениями *прямым* (контролируемым полагается состояние убежденности = «бихевиоральный контроль») или косвенным (контролируемыми полагаются условия и действия, индуцирующие состояние убежденности или способствующие его возникновению = «генетический контроль»), а также – (2) в зависимости от того, что выделяется в качестве объекта сознательного контроля и регулирования – пропозициональное содержание убеждений (контроль содержания) или качество убеждений (оценочный контроль, предполагающий определение того, чему верить, исходя из более менее рациональных соображений преимущественно эпистемического плана). Так, например, Н. Ноттельманн полагает, что родовому понятию деонтологического волюнтаризма соответствует «любая позиция, которая отстаивает деонтологическую адекватность одного или нескольких модусов прямого содержательно ориентированного докастического контроля, реализуемого в отношении непустого множества эпистемически нежелательных убеждений» [Nottelmann, 2007, 99]. Однако, такое определение ограничивает контроль над убеждениями лишь одной формой, означающей способность субъекта усваивать какие-угодно убеждения, предопределяя их содержание произвольным решением, т.е. безотносительно к вопросам эпистемической обоснованности и истинности того, что составляет предмет таких убеждений, – допускается, что такой докастический волюнтаризм эксклюзивно соответствует условиям утверждения докастической ответственности.

Между тем, проблема докастической ответственности имеет два измерения – метафизическое и этическое: если в метафизическом плане необходимо прояснить принципиальный вопрос о том, какая форма контроля над убеждениями является доступной

субъекту, то в этическом плане необходимо установить, является ли такая форма контроля деонтологически адекватной, то есть, достаточно ли субъект в рамках доступных ему форм контроля определяет состав собственных убеждений, чтобы ему можно было (исходя из принципа “Debes, ergo potes” = «Долженствование подразумевает способность») вменять обязательства и полагать его доксистически и эпистемически ответственным.

В отличие от субъективно-релятивистических трактовок позиции доксистического волюнтаризма, развивавшихся в рамках *доктрины свободы как действия по желанию* [Lockie, 2018, 53-54] и ставивших правомерность утверждения ответственности за убеждения в зависимость от способности субъекта непосредственно – исходя из произвольных интересов и намерений – предопределять их содержание, современные концепции эпистемического деонтологизма редуцируют волюнтаристический компонент прямого эффективного контроля *содержания* убеждений, полагая приоритетно значимым для решения вопроса о назначении обязательств и утверждении ответственности субъекта выявление способности последнего не произвольным, но целесообразным и нормативно адекватным образом контролировать эпистемическое *качество* собственных пропозициональных установок. В этом смысле, по замечанию Локки, «свобода выбирать то, во что верить, даже если этот выбор делается косвенным образом, не есть то, что закономерно требуется для (превращения убеждений в объекты) эпистемически-деонтологической оценки» [Ibidem, 49], – для утверждения доксистической ответственности и деонтологически оценочных квалификаций не требуется предварительного доказательства способности агентов формировать и поддерживать убеждения совершенно произвольным образом, допускающим, в числе прочего, детерминацию убеждений со стороны эпистемически irrelevantных (например, сугубо прагматических) соображений; для утверждения позиций эпистемического деонтологизма приоритетно значимо обоснование положения о «способности агентов выполнять свои эпистемические обязанности наилучшим образом (то, что Иероними называет «конститутивными причинами»), а не допущение того, чтобы процесс формирования убеждений проходил плохо» [Ibidem, 51].

С позиций же компатибилистского подхода приоритетно значимой является способность агента культивировать – приобретать и поддерживать состояние убежденности, задействуя такие когнитивные механизмы, в каузальной архитектонике которых воссоздаются условия для проявления восприимчивости и реактивности в отношении факторов, которыми конститутивно определяются основания – разумные причины для убеждений (выделение подкласса эпистемически значимых оснований, элементами которого являются достаточные основания признания истинности, позволяет рассматривать убеждения как своеобразные протоэлементы знания [Steup, 1988, 74-75]).

Значение компатибилизма для этики убеждений

В концептуально-абстрактном представлении содержание проблемы доксистической ответственности раскрывается в форме вопроса о том, способен ли субъект в ряде типовых (познавательных и практических) ситуаций сознательно определять (контролировать, регулировать) состав собственных убеждений, сопрягая предметную интенцию (контроль содержания) с ограничениями в отношении их эпистемического качества (контроль качества), или же ни одна из доступных субъекту форм контроля над убеждениями не является в этом отношении достаточно эффективной и адекватной с точки зрения деонтологической этики убеждений в ее эпистемологическом расширении, и, следовательно, теория, связывающая

обоснованность убеждений с выполнением субъектом интеллектуальных обязательств, вытекающих из эпистемических норм, строится на сомнительных доксистически-волюнтаристических допущениях.

Компатибилистский подход к проблеме доксистической ответственности обеспечивает концептуальную основу и формирует аргументы для положительного ответа на этот вопрос.

Интегральный смысл компатибилизма, как поясняет М. Стюэп, раскрывается в обосновании возможности «свободных решений или обладания собственной волей в детерминистическом мире. Компатибилисты достигают этот результат, исходя из положения, что для установления того, было ли решение агента контролируемым (и, следовательно, добровольным – Авт.), или нет, значимо не то, *было ли* оно обусловлено причинами, а то, *как* оно было обусловлено. Что действительно имеет значение, так это то, было ли оно обусловлено таким порядком причин, который допускает осуществление контроля или препятствует этому». [Steup, 2012, 473].

Представим следующую ситуацию: S, будучи одним из представителей группы выборщиков, принял решение отдать свой голос в пользу кандидата X, исходя из соображений, что X обладает солидным опытом и личностными качествами, которые делают его наиболее достойным претендентом на эту должность; допустим, для убеждения $V^{1gch}(x(V(x) \& x=X))$, что X обладает солидным опытом и набором личностных качеств, действительно имеются достаточные основания, и убеждение S базируется именно на этих основаниях, т.е. S признает достоинства X, исходя из релевантных и надежных свидетельств, которыми он располагает. А теперь представим альтернативную - контрфактическую ситуацию: S не обладает надежными свидетельствами, удостоверяющими, что X обладает солидным опытом и набором релевантных личностных качеств; в такой ситуации для субъекта рационально было бы воздерживаться от убеждения, и это то, что он должен был бы сделать, следуя нормам эпистемически ответственного поведения; но под воздействием пропаганды, PR-технологий и средств «промывки мозгов» у него все же формируется убеждение $V^{2bch}(x(V(x) \& x=X))$, что X обладает всеми этими достоинствами, вследствие чего S оказывается предрасположен мыслить и поступать так, как если бы X действительно обладал выдающимися качествами и опытом. Рассматривая эти ситуации в оценочных категориях, предложенных М.Стюэпом, можно утверждать, что в первом случае убеждение $V^{1gch}(x(V(x) \& x=X))$ обладает *доброкачественной каузальной историей*, во втором случае каузальная история убеждения $V^{2bch}(x(V(x) \& x=X))$ плохая, потому что S утратил контроль над своей волей и оказался неспособен руководствоваться соображениями, высвечивающими разумные причины и основания для собственных полаганий и решений.

Базовый тезис компатибилизма – положение о том, что человек ответственен за собственное поведение, потому что способен сознательно формировать и контролировать собственные решения и поступки даже в детерминистическом мире, в этико-доксалогиическом истолковании трансформируется в положении об ответственности субъекта за те убеждения, которые он усваивает и поддерживает, даже если процесс формирования убеждений имеет когнитивно-функциональные ограничения, а выбор в отношении того, во что верить и принимать за истину, детерминирован комплексом причин, исключающих волюнтаризм – позицию, допускающую усвоение убеждений в силу одного лишь произвольного решения, сопряженного с эксплуатацией альтернативных возможностей. Положение это получает компатибилистское обоснование посредством демонстрации того, что детерминация состава убеждений факторами, выступающими в роли причин, действующих независимо от намерений субъекта, каковыми

являются, например, факторы эвиденциального порядка, совместима с их эффективной контролируемостью, позволяющей более или менее сознательно усваивать убеждения, отвечающие стандартам определенного качества, что является условием, достаточным для вменения субъекту интеллектуальных обязательств и утверждения докстической ответственности.

Компатиблизм и волюнтаризм: контуры решения проблемы докстической ответственности

Общие контуры решения проблемы докстической ответственности в рамках той версии компатибилизма, которая обосновывает свободу и ответственность без опоры на принцип альтернативных возможностей, проступают в проекции на сферу убеждений специфического подхода к обоснованию (моральной) ответственности агента за собственные решения и их практические следствия: агент ответственен за те решения, которые он принимает, и за те действия, которые он совершает на основе этих решений, при условии, что в механизме принятия решений регулярно проявляется чувствительность к факторам, которые дают разумные (моральные) основания для этих решений. В практической сфере регулярно проявляемая чувствительность решений и действий агента к релевантному кругу практических соображений является конститутивным условием контролируемости поведения. Аналогичным образом, если в системе факторов, выполняющих каузальную роль в порядке детерминации убеждений, в качестве решающего фактора выделяется адекватная чувствительность когнитивного процесса к надлежащему кругу причин, представляющих разумные основания для убеждений, то усвоение и поддержание убеждений в целом удовлетворяет условию сознательно-волевой контролируемости, которая полагается достаточной для утверждения докстической ответственности.

Компатибизм позволяет реабилитировать позиции эпистемического деонтологизма, включая допущения, положенные в основу деонтологической теории обоснования. Так, исходя из принципов компатибилистского подхода можно показать, что критика докстического волюнтаризма, умаляющая роль сознательно-волевых установок субъекта в определении того, чему верить и какие убеждения поддерживать, бьет мимо цели, когда в качестве послышки критических аргументов используется положение о том, что для утверждения докстической ответственности необходимо обосновать допущение относительно способности субъекта свободно выбирать, актуализируя альтернативные возможности, между убеждениями, содержание которых предопределено желаниями или практическими интенциями, и что когнитивно-эвиденциальная детерминация убеждений, при которой субъект не может усвоить убеждение, альтернативное тому, к которому располагают свидетельства или внешние индукторы уверенности, несовместима с сознательным решением и выбором субъекта. Когнитивно-эвиденциальная детерминация убеждений проявляется в широком массиве парадигматических случаев, когда при определении того, чему верить, «мы зависимы от доступных нам свидетельств (или, возможно, от комбинации свидетельств с какими-либо неэвиденциальными факторами, которые вызывают в нас убеждения)» [Feldman, 2001, 83] (если только такая зависимость не блокируется в силу когнитивного расстройства или манипулятивного воздействия): так, для когнитивно-полноценного субъекта, основательно усвоившего схемы рационального поведения, психологически аномальным и противоестественным было бы регулярно усваивать и поддерживать докстические установки,

которые совершенно не совместимы с имеющимися свидетельствами или представляются заведомо иррациональными, и столь же трудно было бы разумному человеку противостоять неотвратимой очевидности, с какой раскрывается истинность тех или иных положений, когда, как писал Декарт, «от великого озарения интеллекта появляется большая предрасположенность воли» [Descartes, 1984, 58-59].

Для решения вопроса об основаниях утверждения докстатической ответственности, который в эпистемологическом преломлении является вопросом безупречности позиций, гарантирующих достижение знания, значимо не произвольно мотивированное предпочтение в отношении того, чему верить, и не способность выбирать себе убеждения, руководствуясь практическими интенциями, безразличными к вопросам истинности, а *чувствительность к эпистемически адекватным причинам*, которая проявляется в общем порядке детерминации убеждений, обеспечивая, как выражается М. Стюэп, добротность их каузальной истории.

Критическая ревизия принципа альтернативных возможностей

Первая предпосылка компатибилистического решения проблемы докстатической ответственности заключается в критическом *пересмотре значения принципа альтернативных возможностей*, который получил экспликацию в области моральной философии: «Принцип этот утверждает, что человек является морально ответственным за то, что он сделал, только при условии, что он мог поступить по-иному». [Frankfurt, 1969, 829]. Обоснованность утверждения необходимого статуса принципа альтернативных возможностей была поставлена под сомнение аргументами Франкfurта, которые были основаны на использовании фальсифицирующих контрпримеров, демонстрирующих, что «человек может быть также ответственен за свои решения и поступки, даже если бы у него не было объективно возможностей вынести альтернативное решение или поступить по-иному» [Ibidem, 829-830]. Вследствие развития этих аргументов актуальной стала задача реформирования подхода к определению условий вменения ответственности в сфере этики убеждений: если принцип альтернативных возможностей не выражает необходимого условия вменения субъекту ответственности, то нарушение этого принципа, когда *субъект не может думать по-иному*, само по себе не дает основание для дискредитации интеллектуальных обязательств и умаления ответственности за те убеждения, которые субъект усваивает и поддерживает.

Доксалогиическая реинтерпретация решения вопросов ответственности в компатибилистской парадигме дает теоретические основания, исходя из которых значительные классы убеждений можно рассматривать в качестве *подконтрольных субъекту установок*, на которые распространяется ответственность, даже *в тех случаях*, когда презумптивно рациональный *субъект не может поступить по-иному, чем усвоить определенные убеждения*, к которым в конкретной познавательной ситуации предрасполагают доступные ему свидетельства, или даже в тех случаях, когда убеждения формируются в силу регулярной реакцией на индукторы уверенности, заключенные во внешних условиях, поскольку здесь также могут проявляться диспозиции сознательного мониторинга и контроля механизмов формирования убеждений, сопряженные с адекватной чувствительностью к причинам, признанием собственности эти механизмов и принятием ответственности за результаты их работы.

Развитие компатибилистского подхода, как будет показано ниже, позволяет сформировать определенные аргументы в пользу утверждения ответственности субъекта за убеждения,

которые формируются большей частью когнитивно-спонтанным образом (как это бывает в значительном классе случаев восприятия), – основанием для такого утверждения является не только то, что формирование, например, перцептивных убеждений, допускает неявный – *диспозиционально-сознательный контроль* [McHugh, 2013, 146], а сами эти убеждения (вернее – диспозиции) проходят легитимацию на уровне *функций метасознания* [Lehrer, 2000, 640-642], но и то обстоятельство, что убеждения эти формируются когнитивными механизмами, удовлетворяющими ряду базовых условий, которые обобщаются на уровне понятия *контроля управления*, или *руководящего контроля* (как было бы правильно переводить оригинальный термин ‘guidance control’, чтобы показать, какую роль в формировании убеждений играет способность субъекта руководствоваться релевантными соображениями, выражающими признание адекватных оснований для этих убеждений).

Концепция контроля управления (руководящего контроля) в контексте деонтологической этики убеждений

Пересмотр значения принципа альтернативных возможностей является критической частью развития компатибилистского подхода, – демонстрируется положение, что осуществление *регулятивного контроля* над сферой собственных убеждений, предполагающего *наличие возможностей думать и полагать по-иному*, не составляет необходимого условия в обосновании доксистической ответственности.

Для реализации деонтически-оценочного отношения к убеждениям, в рамках которого оправданным является утверждение доксистической ответственности, достаточно, чтобы агент обладал способностью осуществлять *контроль управления* (руководящий контроль), – именно обоснование деонтологической достаточности этой формы контроля, которая отличается от *регулятивного контроля* тем, что не требует альтернативных возможностей и является совместимой с детерминизмом, обеспечивает эвристический сдвиг в разрешении основной проблемы с позиций компатибилизма.

Фишер и Равицца использовали понятие контроля управления для обоснования моральной ответственности человека в ситуациях, описываемых примерами Франкфурта, – в практической сфере деонтологическая достаточность контроля управления означает, что действие может быть свободным и ответственным даже тогда, когда возможность поступить по-иному исключается или блокируется факторами, выполняющими функцию контрфактуальных корректоров поведения. Для пояснения этой позиции, авторы концепции контроля управления моделируют несколько ситуаций, одна из которых является особенно показательной: S управляет автомобилем, определяя направление его движения; но рядом находится инструктор по вождению, и если бы S решил совершить опасный маневр или выполнить недопустимые операции с механизмом управления, то инструктор бы вмешался и предотвратил эти действия (вмешательство контрфактуального корректора) [Fischer, Ravizza, 1998, 32]. Объективная предопределенность в данном случае не подрывает ответственности, потому что последовательность действий, совершаемых S, и фактическая траектория движения определяются вследствие свободного и сознательного выбора: «агент свободно выбирает и поступает в соответствии со своим выбором, действуя таким же образом, как он действовал бы, если бы не было никакого «контрфактуального корректора» [Ibidem, 38]. В этом смысле S осуществляет контроль управления и является не менее ответственным за свои решения и действия, чем в последующих ситуациях, когда бы он захотел пренебречь советами инструктора

и игнорировать требования, вытекающие из правил дорожного движения.

Результаты исследования Фишера и Равиццы по проблемам моральной ответственности получили доксалогическую интерпретацию в трудах М.Стюэпа, МакКормик, МакХью, Мейлан, Брейера и других эпистемологов, – концепция контроля управления была адаптирована к деонтологической этике убеждений.

Базовое условие контроля управления, т.е. руководящего контроля, реализуемого в отношении доксалогических установок, заключается (1^r) в формировании убеждений посредством таких механизмов, которые обладают *диспозициональным свойством чувствительности – восприимчивости и реактивности* в отношении к тому, что составляет разумную причину и дает адекватное (эпистемическое) основание для убеждений (условие чувствительности к разумным причинам).

Предпосылочное условие руководящего контроля (2^p) заключается в признании *собственности когнитивного процесса или механизма формирования убеждений*, что означает, что агент распознает этот механизм как свой собственный, усматривает в нем условия реализации собственных познавательных способностей и исторически принимает ответственность за продукты его работы (условие собственности механизма формирования убеждений) [McCormick, 2011, 173].

Чувствительность к надлежащим причинам, как и собственность механизма формирования убеждений, выражая базовые конститuenty руководящего контроля, реализуемого при культивировании доксалогических установок, представляют необходимые и в совокупности достаточные условия для утверждения доксалогической ответственности, – основания для этого выражаются интегральной формулой: *Субъект является эпистемически ответственным за убеждения, если и только если эти убеждения формируются или поддерживаются когнитивными процессами, которые субъект признает как свои собственные, выступая в статусе агента, и которые диспозиционально обладают достаточной чувствительностью – адекватной восприимчивостью и реактивностью в отношении к эпистемическим причинам* [McHugh, 2013, 142]

Каждое из этих условий допускает дальнейшую экспликацию на основе методологии *контрфактуально-ситуативного анализа*, и спецификацию в плане определения адекватного способа их реализации применительно к различным классам убеждений (наиболее трудным в этом отношении является класс перцептивных убеждений и их аналогов). Но именно в раскрытии нормативных импликаций каждого из условий руководящего контроля и в определении деонтологически адекватного способа их реализации обнаруживаются расхождения, некоторые из которых отражают принципиальные различия эпистемологических подходов.

Агентивно-деятельностные и когнитивно-механистические тенденции истолкования условий руководящего контроля убеждений

В современной эпистемологии явно обозначилось расхождение между агентивно-деятельностным и когнитивно-механистическим подходами к истолкованию условий руководящего контроля над доксалогическими (шире – пропозициональными) установками, – тенденция к смещению плоскости анализа с механизмов на агента проявилась и в оригинальном исследовании Фишера и Равиццы по проблемам моральной ответственности [Fischer, Ravizza,

1998, 41].

Собственность механизма формирования убеждений

Диспозиция к развитию агентивного подхода более явно обозначилась в обосновании значения условия *собственности механизма формирования убеждений*, поскольку именно реализация этого условия является важным индикатором статуса самостоятельного агента: одного лишь функционального состояния механизма, которое обеспечивало бы чувствительность к причинам, недостаточно для утверждения ответственности, – необходимо, чтобы субъект распознавал процесс, посредством которого вырабатываются убеждения, как процесс, в котором актуализируются его собственные познавательные способности, и исторически принимал ответственность за работу этих механизмов и производимые ими эффекты. Но реализация условия собственности предполагает дополнительные обязательства: субъект должен осуществлять регулярный мониторинг работы когнитивных механизмов и оценку их надежности и проявлять готовность пересматривать, если необходимо, убеждения, которые формируются посредством этих механизмов: «есть некоторая презумпция того, что мы должны быть готовы проводить некоторый мониторинг, чтобы убедиться, что этот механизм, за который мы взяли на себя ответственность, работает правильно. Если я обнаруживаю, что этот механизм постоянно сбивает меня с пути, значит, со мной что-то не так; и неправильно было бы для оправдания себя, прибегая к утверждению, что «эти убеждения являются результатом восприятия, над которым я не обладаю контролем, и поэтому я не виноват, что продолжаю усваивать ложные убеждения»». [McCormick, 2011, 175-176].

Вследствие этого *понятие доксастической ответственности становится содержательно многомерным*: утверждение ответственности оправдано, если субъект способен осуществлять руководящий контроль, одним из условий которого является признание собственности механизмов, а верификатором такого признания – в числе прочего – является мониторинг и контроль работы этих механизмов, который предполагает задействования *высших исполнительных функций сознания* [Lockie, 2018, 56-57]. В этом отношении нормативные импликации принципа собственности процесса механизма формирования убеждений могут получить дальнейшее развитие в рамках концепции *косвенного контроля убеждений*: «Даже в случае простых перцептивных убеждений, которые, по общему признанию, по большей части возникают автоматически, действия агента играют роль в точной настройке процесса приобретения убеждений. Эпистемически ответственный агент должен принимать во внимание дефекты, обнаруживаемые в этом процессе, и действовать, чтобы исправить их» [Kornblith, 1983, 38].

О совместимости условий руководящего контроля с концепцией косвенного контроля убеждений

Позиции компатибилизма совместимы с концепциями, которые утверждают, что когнитивно-эвиденциальная детерминация убеждений несколько не дискредитирует положение о способности субъекта *косвенным образом* контролировать и регулировать значительный класс доксастических установок: «положение, что доксастические установки обычно формируются добровольно совместимо с положением, что наши доксастические установки определяются в зависимости от нашей оценки доступных нам свидетельств истинности [Ryann, 2003, 70].

Для утверждения эффективности опосредованного контроля убеждений достаточно признать тот факт, что субъект способен индуцировать в себе определенные убеждения, воссоздавая и контролируя условия их когнитивно-эвиденциальной детерминации; но положение это может прочитываться не только в сильном смысле (как в аргументе Р.Фельдмана [Feldman, 2001, 82], предполагающем, что «иногда мы можем напрямую вызывать положение дел, достоверно регистрируемое нашей когнитивной системой, и, таким образом, формировать конкретное убеждение относительно этого положения дел» [Nottelmann, 2007, 126], но и в смысле эпистемически ответственного подхода к изысканию оснований для убеждений в процессе исследовательской деятельности (именно в русле такой интерпретации М.Стюэп демонстрирует, как субъект на основе рассуждения и отбора доступных свидетельств, которые не являются конклюдивными, *решает*, что признавать в качестве истинного положения (Н. Леви, между тем, показывает, что переход от эпистемически-оценочного метаубеждения к объектному убеждению не опосредуется решением [Levy, 2007, 142]), а Х. Корнблит обосновывает тезис об эффективности косвенного контроля убеждений посредством выбора методов и средств продуцирующей их деятельности: «Хотя очевидно, что убеждения не выбираются на основе произвольного решения верить, действия, которые агент свободно решает совершить, вполне могут повлиять на процессы, посредством которых складываются его убеждения, и, таким образом, на сами его убеждения. Таким образом, мы можем оценить агента или характер агента, исследуя процессы, ответственные за наличие его убеждений» [Kornblith, 1983, 38].

Косвенный vs прямой контроль состояний перцептивной убежденности

Процесс восприятия, например, в отличие от наблюдения и целостной познавательной деятельности, в которой восприятие играет роль основного механизма получения эмпирической информации, не обладает явной, рефлексивно-отчетливой рационально-мотивационной структурой. Но результат процесса восприятия – перцептивное убеждение – в определенном смысле зависит от того, как восприятие настроено, т.е. как структурировано перцептуальное поле и как распределяется внимание – какие факторы (объекты, свойства, события), будучи приоритетно различимыми, попадают в поле внимания, делая восприятие избирательным, – феномен *избирательности восприятия* указывает на то, что его предметный фокус и горизонт отчетливости формируются под воздействием ряда структурирующих причин, к которым относятся интенциональные установки субъекта – его убеждения, интересы, ожидания, намерения, а также психические формации аффективной природы. В этой системе содержательная профилированность и эпистемическое качество убеждений, складывающихся на основе восприятия, могут определяться в функциональной зависимости от комплекса преднамеренно осуществляемых действий, посредством которых производится целесообразная *калибровка аппарата* восприятия, осуществляется *управление вниманием* и обеспечивается *организация условий*, оптимизирующих сам процесс получения эмпирической информации, – раскрывая роль интенциональных установок в детерминации перцептуального опыта, можно представить процесс формирования убеждений на основе восприятия как активный, опосредованный сознательными действиями, направленными на получение информации, соответствующей установкам агента, и, следовательно, косвенно контролируемый.

Однако, вопрос о том, возможно ли осуществление посредством мониторинга работы

когнитивных способностей *прямого синхронического контроля* процессов формирования убеждений, если эти процессы оперируют вводными данными, составляющими феноменальное содержание перцептивного опыта, и отличаются *асимметричным распределением потенциалов спонтанности и сознательности*, остается открытым и требует дополнительного изучения.

Для решения данной проблемы перспективным является анализ структуры когнитивного процесса данного типа, позволяющий выявить основания для принятия общего допущения, что для того, чтобы состояние уверенности, индуцируемое перцептивным опытом, разрешилось в убеждение, необходима *санкция метасознания*, на уровне которого субъект имплицитно отдает себе отчет в том, какова специфика актуальной познавательной ситуации и состояние его познавательных способностей, и как то, в чем убеждает опыт, вписывается в фоновую систему убеждений. Метасознательное санкционирование обеспечивает основу для *prima facie* обоснования перцептивных убеждений, но не гарантирует от ошибки. Такое решение, однако, основывается на довольно сильной презумпции сознательности восприятия, что подходит далеко не ко всем случаям перцептивно основательного формирования убеждений.

Собственность механизма формирования убеждений, подразумевающая историческое принятие субъектом ответственности за работу этих механизмов и их произведения, является необходимым, но не достаточным условием эффективного руководящего контроля. Эпистемологический смысл проблемы докастической ответственности раскрывается в постановке вопроса о том, поддаются ли докастические установки, формируемые посредством различных когнитивных процессов, контролю и регуляции в той мере, которая была бы достаточна для вменения субъекту интеллектуальных обязательств, предмет которых заключается в требовании усвоения только таких убеждений, которые обладают определенным эпистемическим качеством (например, имеют надежный эвиденциальный базис).

Чувствительность к надлежащим причинам как условие руководящего контроля докастических установок

Если *условие собственности* механизма формирования убеждений значимо для квалификации последних в качестве докастических артефактов, способ произведения которых удостоверяет статусу агента, исторически принимающего ответственность за эти убеждения, то *условие чувствительности* агента или механизма формирования убеждений *к надлежащему кругу причин* представляет такое базисное условие руководящего контроля, которое делает этот контроль эпистемологически адекватным, – именно в плане экспликации *условия чувствительности к причинам* обосновывается значение вопроса о том насколько контроль докастической сферы и когнитивных механизмов является достаточным для достижения эпистемического качества убеждений, формируемых этими процессами и механизмами.

Чувствительность к надлежащим причинам, проявляемая в процессе формирования убеждений, представляет базовый конституент контролируемости докастических установок, который деонтологически фундаментален, ибо позволяет квалифицировать установки субъекта как добровольно формируемые (*в сильном смысле – формируемые при участии рационально-мотивационных структур или на основе правильных когнитивных схем*) и обосновать, исходя из этого, его ответственность в широком классе ситуаций, включая интересные для компатибилиста ситуации, в которых *субъект не может думать по-иному*, но усваивает убеждения таким способом, который допускает рационализацию в терминах когнитивной активности, проявляющей диспозиции к действию на основе соображений, более или менее

адекватных для придания этим убеждениям надлежащего эпистемического статуса.

Однако, как показали критико-аналитические исследования, само понятие чувствительности к причинам, как и условия его операционализации, являются наиболее проблемными как с деонтологической, так и с эпистемологической точек зрения.

Аберрации понятия чувствительности к причинам: от механизмов к агентам и обратно

Само по себе применение понятия чувствительности агента/механизма к причинам без достаточной экспликации и проработки может привести к определенным теоретическим проблемам. Свидетельство тому – первоначальный проект компатибилистского решения проблемы деонтологически адекватной контролируемости убеждений М.Стюэпа: если субъект не может думать по-иному (например, не может согласиться с очевидно иррациональными положениями, но усваивает убеждения под воздействием неотвратимо убедительных свидетельств), то это не означает, что формирование убеждений не может быть квалифицировано как добровольная активность, поскольку ключевую роль в порядке детерминации убеждений играет выказываемая чувствительность к релевантному кругу причин, – это обстоятельство, удостоверяющее оценочный докстатический контроль, рассматривается как признак «добротной каузальной истории» [Steup, 2012, 469-476]; негативной альтернативой является «плохая каузальная история», в которой агент не выказывает адекватную чувствительность к причинам, но объясняется это скорее когнитивными дисфункциями (следствиями болезни, аддикции, манипуляции и т.д.), чем безответственным подходом, – представление же о том, *в каком смысле субъект является безответственным*, в этой системе дистинкций остается непроясненным, поскольку основное понятие чувствительности к причинам не эксплицировано должным образом.

В оригинальном определении понятия чувствительности к причинам (Фишер-Равицца), как и в последующей его адаптации для использования в этике убеждений (Стюэп, МакКормик, МакХью и др.), прослеживается некоторая неоднозначность, обусловленная тем, что стандартный способ экспликации этого понятия отражает перераспределение потенциалов *агентивного* и *механистического* подходов: *с одной стороны*, чувствительность к причинам рассматривать как свойство или диспозиция, заложенная в когнитивных процессах или механизмах формирования убеждений, но, *с другой стороны*, реализация этой диспозиции не определяется исключительно *реактивным отношением* к тому, что дает основание для убеждений, но предполагает усвоение или воздержание от определенного убеждения, обусловленные более или менее *сознательным признанием* причин-оснований, что соответствует статусу агента.

Так, например, в работах Фишера и Равиццы, где впервые была представлена квазикомпатибилистская концепция контроля управления поведением, достаточного для утверждения моральной ответственности, распознавание субъектом того, что составляет разумное основание для решения поступить определенным образом, выделяется в качестве одного из базовых условий сильной чувствительности формирующего поведение механизма к надлежащим причинам: для того, чтобы диагностировать чувствительность фактически действующего механизма к разумным причинам, *необходимо рассмотреть ряд контрфактических сценариев*, в которых действует тот же механизм вынесения решений и формирования поведения, но у агента есть достаточные основания поступать иначе, чем в

фактической ситуации, и установить, поступит ли агент, исходя из этих оснований, альтернативных фактическим; а для того, чтобы чувствительность к причинам была сильной, должны быть выполнены три условия: «агент должен считать основания достаточными, выбирать в соответствии с достаточными основаниями и действовать в соответствии с выбором» [Fischer, Ravizza, 1998, 41]. Однако, определение конститутивных условий чувствительности к причинам в сильном смысле показывает, что авторы концепции руководящего контроля отходят от своей первоначальной методологической установки и смещают референциальный фокус атрибутирования этого диспозиционного свойства с механизмов или процессов на агента и сферу его сознательных решений. В доксалогической реинтерпретации принципа сильной чувствительности к причинам критериальной значимости относят требования такого свойства, чтобы в спектре релевантных контрфактических ситуаций, где задействованы те же когнитивные процессы формирования убеждений, но основания для убеждений определяются другим набором эвиденциальных факторов, т.е. либо (i) являются иными, либо (ii) отсутствуют, субъект (aⁱ) распознавал бы эти основания и усваивал бы убеждения, альтернативные фактически сложившимся, руководствуясь соображениями, которые развиваются из признания этих альтернативных оснований в качестве достаточных, или (bⁱⁱ) воздерживался бы от признания истинности, реализуемого в форме убеждения, руководствуясь сознанием того, что для поддержания такого убеждения нет достаточных оснований – разумных эпистемических причин.

Рецептивность и реактивность как конституенты чувствительности к причинам

В классическом подходе к анализу понятия чувствительности к причинам выделялись два конститутивных условия, необходимые и в совокупности достаточные для квалификации когнитивного процесса или механизма как обладающего адекватной чувствительностью к причинам, составляющей условие возможности руководящего контроля, – *рецептивность* (1^{receptivity}), т.е. распознаваемость релевантных (эвиденциальных) факторов или того, что дает основание или составляет надлежащую причину, и *реактивность* (2^{reactivity}), т.е. способность реагировать на распознаваемые причины или действовать, исходя из соображений, демонстрирующих признание факторов, дающих адекватные основания [Ibidem, 62-64].

Рецептивность. Как поясняет МакХью, «распознавание разумной причины (того, что дает достаточное основание для уверенности в истинности некоторого положения – Авт.) подразумевает актуальное или потенциальное сознание. Признать причину — значит каким-то образом осознать ее, привести на ум соображение, которое ее конституирует, хотя бы имплицитно, и понять его доказательную силу. Возможно, такое осознание не обязательно должно включать в себя явное, рассмотрение причины, сопряженное с выделением ее в горизонте актуального сознания» [McHugh, 2013, 146]. Допущение достаточности неявного признания оснований для убеждений является предпосылкой аккомодации принципа восприимчивости к причинам на уровне диспозиций, заложенных в процессах, которые не обладают явной рационально-мотивационной структурой, но формируют убеждения преимущественно недискурсивным способом, оперируя данными, извлекаемыми непосредственно из опыта.

Реактивность. Реагировать на ту или иную причину агентивно адекватным способом, значит действовать, исходя из явного или имплицитного признания этой причины, –

реактивность не сводится к пассивному отношению, которое укладывается в схему рудиментарной реакции на внешние стимулы, но означает *более или менее сознательную вовлеченность* в процесс формирования убеждений, сопряженную с предрасположенностью к тому, чтобы поддерживать восприимчивость к тому, что составляет основания для убеждений, реагируя на вариации эвиденциальных факторов в контрфактических ситуациях посредством такой альтерации убеждений, при которой выполняется условие их эпистемически адекватной базируемости.

Агентивная сознательность восприятия: контуры сложной апории

Но истолкование восприимчивости и реактивности в смысле диспозиций, реализуемых посредством агентивно-сознательных действий, налагает сильные обязательства, для исполнения которых необходимо наличие развитых когнитивных компетенций: субъект должен быть способным довести это сознание оснований до соображений, которыми можно было бы руководствоваться (i) при определении того, чему верить, или при (ii) последующем обосновании, а также при (iib) пересмотре уже сложившихся убеждений. Однако, как будет показано ниже, истолкование условий восприимчивости и реактивности в духе агентивного эвиденциализма имеет *серьезные проблемные следствия* для процессов, первичную информационную базу которых составляют данные, получаемые вследствие вклада внедоксастических факторов, – в ряде таких процессов, примером которых может служить процесс восприятия, абстрагированный от деятельности (типа наблюдения), диспозиция к убеждению формируется на основе непосредственной уверенности, возникающей, как правило, когнитивно-спонтанным образом, в силу неотвратимой эмпирической очевидности, что не исключает, однако, концептуальной возможности *последующей рационализации*, выделяющей эвиденциально значимые факторы, на которые можно было бы сослаться, если бы возникла необходимость представить обоснование для убеждения, в которое разрешилась спонтанно-возникшая уверенность. Для эпистемологического осмысления таких ситуаций К.Лерер предложил различать *убеждения*, которые возникают произвольно, и рациональные *принятия* того, в чем убеждает опыт, и доказывал, что именно рационально обоснованные принятия, предполагающие вынесение суждений, в которых проявляет себя рефлексивно-оценочное *метасознание*, составляют основу дискурсивного знания [Leher, 2000, Discursive Knowledge, 639-641]. Обосновать с этих позиций прямой синхронически осуществляемый контроль перцептивных убеждений теоретически затруднительно, – для этого необходимо показать интегрированность эвиденциально-регулятивных структур в сам процесс восприятия.

Источники ошибок, подрывающих контроль управления

Выделение принципов *рецептивности* и *реактивности*, выражающих подусловия достижения чувствительности процесса или механизма к причинам, обеспечивает аналитический базис для различения основных типов ситуаций, в которых условие чувствительности к причинам нарушается: в одном случае субъект может распознать основания для убеждений, но когнитивный механизм в целом не позволяет ему должным образом *реагировать* на эти основания и определять, чему верить, исходя из их признания (случай «навязанных убеждений», в терминах МакХью [McHugh, 2013, 137-144]); в другом случае, диспозиция к тому, чтобы реагировать эпистемически должным образом на факторы, дающие

основания для убеждений, сохраняется, но *адекватное распознавание* причин для убеждений оказывается недостижимым (например, вследствие ошибки, халатности, недостаточности данных или даже когнитивных дисфункций, о которых субъект осведомлен). Каждый из этих случаев, при условии правильного объяснения, может квалифицироваться как случай нарушения обязательств.

Принцип чувствительности к эпистемическим причинам в контрфактуально-аналитической экспликации

Утверждения доксистической ответственности с точки зрения условий возможности осуществления руководящего контроля выражается стандартной формулой, которая допускает развитие на основе *метода контрфактуально-модального анализа*: агент эпистемически ответствен за убеждения, если эти убеждения формируются и поддерживаются когнитивными процессами или механизмами, которые (а) субъект признает как свои *собственные, исторически принимая ответственность* за продукты их работы [McCormick, 2011, 173-174], и (б) которые отличаются достаточной *чувствительностью к эпистемическим причинам*, удостоверяемой тем, что в определенном *ареале контрфактических ситуаций* при формировании убеждений посредством таких механизмов прослеживаются ($1^{\text{receptivity}}$) регулярные проявления *восприимчивости* к тому, что составляет основание для убеждений, и ($2^{\text{reactivity}}$) поддерживается *реактивность* в отношении к этим основаниям и их признанию. Поскольку данная формула выражает условия руководящего контроля, достаточно эффективного для утверждения ответственности, то в рамках компатибилистского подхода предложенному определению может быть придан парадигматический статус.

Эффективное применение этой формулы для установления меры ответственности субъекта за убеждения, формируемые и поддерживаемые посредством *различных типов когнитивных процессов*, зависит, *во-первых*, от установления правильного соотношения условия рецептивности с условием реактивности, в котором достигается сознательность, подобающая статусу агента, а *во-вторых* – от такой спецификации принципа чувствительности к причинам, которая позволила бы учесть то, что в одном случае убеждения формируются на дискурсивной (например, рассуждение), а другие – на опытной (например, восприятие) основе, и, следовательно, разные типы процессов, оперируя различными классами вводных данных (так, следуя А.Гольдману [Goldman, 1999, 312-314], можно различить процессы *Dx-типа*, функционирующие на основе доксистического вклада, и процессы *Ex-типа*, которые оперируют эмпирически вводной информацией), должны различаться по условиям достижения чувствительности к причинам, заложенным в архитектонике этих процессов.

Чувствительность механизма к причинам, составляющими которой являются адекватная восприимчивость и регулярная реактивность в отношении ряда факторов, обеспечивающих основания для убеждений, есть базисное условие *руководящего контроля доксистических установок*. Руководящий контроль (иначе говоря, контроль управления) полагается достаточным для утверждения ответственности, поскольку в форме осуществления такого контроля субъект утверждает себя в качестве агента – источника сознательной активности, относительно возможностей которой обосновывается применимость нормативно-регулятивных ограничений, предусматриваемых эпистемической деонтологией.

Но если исходя из этих допущений рассматривать вопрос о деонтологической адекватности определения принципа чувствительности к причинам, то обнаруживается *сложная дилемма*.

Апории когнитивно-процессуальной спецификации условий руководящего контроля убеждений

С одной стороны, *восприимчивость* к факторам, составляющим причины убеждений, не может быть определена исключительно в терминах диспозициональных *свойств механизмов или когнитивных процессов*, – радикальным следствием этого было бы исключение из каузальной структуры процесса формирования и отбора убеждений фактора *сознательного отношения* к тому, что могло бы служить для этих убеждений основанием, а это означало бы такое редуцирование функции рефлексивно-оценочного сознания, которое ставило бы под сомнение статус агента, – функционально-механистический подход приводил бы к рассогласованию условия чувствительности с условием собственности и ответственности за работу когнитивных механизмов и их продукты.

С другой стороны, если определять условия реализации принципа чувствительности к причинам-основаниям на уровне агента, совершенно абстрагируясь от того, что обеспечивает такую чувствительность на уровне когнитивных процессов, или требовать, чтобы в этих процессах достигалась *предельная сознательность* в отношении к тому, что распознается как причина или основание для убеждения, то это приводит к *редукции возможностей обоснования доксамтической ответственности субъекта* в ситуациях, когда формирование убеждений не предусматривает явного обращения к другим убеждениям и, следовательно, не имеет характер дискурсивной активности, но сам процесс характеризуется, как правило, продуктивной спонтанностью, *ускользающей от прямого сознательного контроля* (как в случае процесса восприятия: в результате внедискурсивной обработки сенсорной информации формируется перцепт, который определяет содержание соответствующего убеждения).

Диспозициональный контроль формирования перцептивных убеждений как выход из апорий сознательности

Один из способов преодоления апории, представленной во второй части дилеммы, заключается в обосновании достаточности такого уровня сознательности отношения к причинам, который позволяет осуществлять *диспозициональный контроль*: есть «убеждения, которые не поддаются активному сознательному контролированию, тем не менее, они обычно находятся в зоне диспозиционного сознательного контроля со стороны агента. Понятие диспозиционного контроля нам знакомо. Водитель, использующий круиз-контроль своей машины, может не выполнять никаких действий, но, тем не менее, он контролирует ситуацию, поскольку готов вмешаться в случае необходимости [McHugh, 2013, 135]. МакХью рассматривает эту форму контроля как вполне адекватную для утверждения ответственности даже за те убеждения, которые формируются когнитивно-спонтанными процессами. Однако, понятие диспозиционального контроля допускает различные истолкования: *в одном смысле*, диспозициональный контроль означает способность осуществлять синхронический мониторинг работы собственных способностей и имплицитное сознание типа и особенностей познавательной ситуации, – если не обнаруживаются основания для сомнения, то возникающая уверенность автоматически разрешается в убеждение, (в этом рудиментарном смысле даже восприятие является минимально сознательным); *в другом смысле*, убеждения, даже в том случае, если они формируются большей частью бессознательным, когнитивно-спонтанным образом (как это бывает в отношении обширного класса убеждений, возникающих на основе

перцептивного или интроспективного опыта), являются диспозиционно-подконтрольными субъекту, поскольку при необходимости он может привести на ум соображения (например, указать на глобальную надежность когнитивного аппарата), исходя из которых можно было бы *post factum* утверждать обоснованность таких убеждений или усомниться в достоверности того, в чем убеждает опыт, – в этом случае неизбежно асинхроническое смещение с уровня восприятия на уровень рефлексивно-оценочного метасознания и вынесение оценочных суждений высшего порядка, которые должны быть эффективными в плане определения того, чему следует верить и какие убеждения поддерживать, иначе, как показывает МакКормик, такие убеждения нельзя признать собственными [McCormick, 2011, 175]. Но при таком асинхроническом смещении на уровень встает закономерно встает вопрос о том, является ли процесс, в результате которого мы приходим к определенному убеждению тем же самым, или это уже *другой* процесс, не тождественный исходному (так, рефлексировав над различными аспектами познавательной ситуации, мы можем в итоге пересмотреть убеждения, спонтанно возникшие на основе восприятия).

Правило каузальной эффективности признания эвиденциальных оснований

Для того, чтобы избежать проблемы, которая представлена в первой части указанной дилеммы, определение чувствительности процесса или механизма к причинам не должно замыкаться только на условия и диспозиции, заложенные в функциональной архитектонике когнитивного процесса. Предпосылкой достижения деонтологической адекватности определения принципа чувствительности к причинам является такая модель соотношения *условия реактивности с условием восприимчивости*, которая выстраивается в парадигме доксалогически адаптированных импликаций понятия агента: в статусе агента выступает субъект, который не просто реагирует на те или иные факторы, индуцирующие уверенность и делающие убеждения в пропозициональном смысле обоснованными, но усваивает соответствующие убеждения на основе *признания* эвиденциальной значимости этих факторов, трансформируя это признание в *сознание причин*, которое, согласно нормативному представлению, должно выполнять ключевую роль в процессе продуцирования или отбора убеждений; соответственно, для чувствительных к причинам когнитивных процессов общезначимым является *правило каузальной эффективности собственного признания* субъектом того, что составляет разумную причину и достаточное основание для убеждений, и это правило в модальном расширении подразумевает, что если бы в контрфактических ситуациях имелись иные основания, доступные для распознавания, то те же самые процессы, действуя на основе *признания* субъектом этих оснований, привели бы к усвоению альтернативных убеждений [Robitzsch, 2019, 17-18].

Реанимация апории сознательности: пропозициональное признание причин vs вклад внедоксастических факторов

Когнитивный процесс или механизм формирования является чувствительным к причинам, если *каузальную роль* в этом процессе выполняют ментальные состояния, воплощающие *сознание причин*, как и сами факторы, в распознавании которых определяются основания для убеждений, и эта связь между признанием причин субъектом и действием процесса на основе

этих причин прослеживается в ансамбле релевантных контрфактических ситуаций. Однако такое определение в эпистемологическом смысле является слишком сильным и имеет ограничительные следствия: если признание причин должно быть *пропозиционально выраженным* и зафиксированным на уровне *метаубеждений*, то это правило работает только в случае процессов, зависящих от убеждений (процессов *Dx-типа*), но заведомо исключает из класса процессов, отвечающих критерию чувствительности к причинам, такие процессы, вводные данные для которых определяются на основе вклада внедоксастических факторов и представляют непосредственное (т.е. не детерминированное убеждениями) содержание опыта (к категории процессов, в исходном независимых от убеждений - процессов *Ex-типа* – традиционно относятся процессы восприятия, припоминания, интроспекции и интуиции) [Ibidem, 19].

Спецификация критерия чувствительности для процессов Ex-типа, оперирующих вводными эмпирическими данными

Модификация критериев чувствительности к причинам, позволяющая избежать данные ограничительные следствия для процессов Ex-типа, обеспечивается последовательностью нескольких шагов.

Первый шаг – это функционально-когнитивистская реинтерпретация принципа чувствительности к причинам, в рамках которой происходит абстрагирование от эвиденциалистских импликаций этого принципа: *чувствительности когнитивного процесса к эмпирически вводной информации, представляющей внедоксастическое содержание опыта, заключается в том, что тот же самый процесс, который актуальной ситуации формирует убеждение, оперируя эмпирически вводными данными, в роли которых выступает интуитивно постижимое содержание опыта (обладающее, в случае восприятия, свойством транспарентности), при контрфактических вариациях этого содержания приводит к формированию альтернативных доксастических установок.*

Второй шаг – это установление эпистемологической адекватности данной модификации: определение чувствительности процесса Ex-типа эпистемологически адекватно, поскольку процесс этот можно рационализировать с точки зрения вклада внедоксастических факторов (ментальных состояний [Turri, 2009, 490-512] или фактов) в обоснование формируемых им убеждений, что позволяет придать сформулированному таким образом принципу чувствительности к причинам нормативно-эпистемологическую значимость. При этом осмысление вклада внедоксастических факторов с точки зрения теории обоснования определяется *интерналистским ограничением*, введение которого обосновывается тем, что чувствительность к причинам является конституентом контролируемости, которая оценивается с позиций деонтологической достаточности, а деонтология имплицитно интерналистична (как доказывает А.Плантинга [Plantinga, 1993, 15-24]). Но и этот тезис критически пересматривается в современной эпистемологии [Галухин, 2022, 21-43].

Редукция возможностей синхронического контроля: когнитивная спонтанность и транспарентность опыта

Аккомодация понятия чувствительности к эпистемическим причинам к условиям формирования убеждений процессами Ex-типа сталкивается с проблемой *транспарентности*

опыта: распознавание феноменальных черт текущего опыта, как и оценка их значимости для обоснования убеждений, формирующихся на основе этого опыта, *сами по себе* не являются актуально действующими факторами в каузальной структуре процесса формирования таких убеждений. Поэтому для обоснования эпистемологической адекватности определения чувствительности процессов Ех-типа к надлежащему кругу причин необходимо учитывать роль *эвиденциальных регуляторов*, которые выходят за рамки когнитивно-функциональных отношений, ограниченных рудиментарной реакцией на эмпирически вводимую информацию, – ограничение это является также значимым для последующего обоснования деонтологической достаточности той формы дорефлективного контроля, которая может быть реализована в процессе формирования перцептивных убеждений и их аналогов.

Утверждение ответственности агента за убеждения, которые формируются процессами Ех-типа, парадигматическим примером которых является процесс восприятия, сталкивается также с проблемой *асимметрического перераспределения потенциалов когнитивной спонтанности и диспозиционально-сознательной контролируемости*: так, согласно распространенному представлению, перцептивные убеждения формируются подчас когнитивно-спонтанным образом, исключая, казалось бы, синхронический сознательный контроль, – признание этого факта выразилось в приоритетном развитии допущения, что для субъекта, принимающего исторически ответственность за работу механизма восприятия, контроль в этой области заключается преимущественно в редактировании уже сложившихся убеждений, предполагающем обращение к метаубеждениям, или в разрешении эвиденциальной неопределенности посредством вынесения суждений высшего порядка относительно того, чему следует верить.

Гипотеза обоснования возможностей синхронического контроля: горизонт сознания с эвиденциальными регуляторами

Для реабилитации положения об условиях возможности синхронического контроля убеждений, формирующихся на основе восприятия, я предлагаю эксплицировать принцип сознательности восприятия, исходя из допущения охваченности впечатлений, складывающихся в процессе восприятия, *горизонтом сознания*, в который интегрированы различные *эвиденциальные регуляторы*, – в этом неявном горизонте одни впечатления соотносятся с другими впечатлениями, а доксистические диспозиции, складывающиеся на основе впечатлений, соотносятся с фоновыми убеждениями и с предпосылочным знанием. Зависимость перцептивных убеждений от предпосылочного знания можно продемонстрировать следующим примером: Увидев однажды в ночном небе движущуюся цепочку огней, каждый из которых размером был не больше звезды, я не поверил глазам своим, приняв это явление за оптическую иллюзию (нарушение когерентности); в другой ситуации, если бы я знал о проекте «Starlink», я бы доверился этому впечатлению, потому что ресурсов предпосылочного знания было бы достаточно, чтобы дать рациональное объяснение наблюдаемым явлениям – «декодировать» данные наблюдения из перспективы понятной мне онтологии.

Если установление когерентности (под которым в данном контексте подразумевается сопряженность восприятия с пониманием) и интуитивное доверие этому источнику знаний выполняют конструктивную - «санкционирующую» функцию в процессе формирования перцептивных убеждений, то диспозиция к распознаванию факторов, подрывающих непосредственно возникшую уверенность или указывающих на границы доверия текущему

опыту, выполняет ограничительную – «цензурирующую» функцию, не позволяя уверенности, сопряженной со спонтанно сложившимся впечатлением, разрешиться в устойчивое убеждение, если такие факторы будут обнаружены.

Наиболее вероятной представляется гипотеза, что процесс формирования убеждений на основе восприятия является чувствительным к причинам, если в этом процессе подсознательно поддерживается *должное отношение к эвиденциальным регуляторам*, которые являются ресурсами дорефлективного *синхронического* контроля, представляющего специфическую форму диспозиционального контроля, предположительно адекватную для утверждения ответственности за качество перцептивных убеждений. В качестве эпистемологической основы последующей экспликации понятия эвиденциального регулятора в контексте определения чувствительности к эпистемическим причинам процессов Ех-типа предлагается использовать комбинацию феноменального консерватизма [Huemer, 2007, 30-55.] с дефиторологическим подходом [Lehrer and Paxson, 1969, 225-237], – за основу принимается гипотеза о включенности восприятия в горизонт имплицитно сознательного отношения к дефиторам, при которой убеждения, складывающиеся на основе перцептивного опыта, можно считать *prima facie* обоснованными. Процессы, оперирующие эмпирически вводными данными, независимыми от убеждений, являются чувствительными к эпистемическим причинам, если в этих процессах, наряду с непосредственной реакцией на поступление эмпирической информации, задействованы эвиденциальные регуляторы, проявляющиеся через активизацию способности эпистемически адекватным способом реагировать на дефиторы – факторы, подрывающие доверие к первичным данным опыта, дискредитирующие непосредственные впечатления и блокирующие диспозицию к убеждению, – лишь при отсутствии распознанных дефиторов спонтанно возникающая уверенность может разрешиться в убеждение. Предлагаемый подход не позиционируется как универсальный, – не исключено, что принцип чувствительности может быть столь же эффективно восполнен за счет использования других концепций, например, концепции исключения релевантных альтернатив.

Апории определения деонтологически достаточной степени контролируемости убеждений

Наиболее сложной проблемой является выведение на основе применения данного подхода достаточно строгих эпистемико-деонтологических критериев, исходя из которых в классе релевантных ситуаций можно было бы установить чувствительность доксистически продуктивных процессов к эпистемическим причинам и определить, таким образом, выполняются ли условия руководящего контроля, достаточные для утверждения ответственности субъекта за убеждения, формируемые процессами данного типа.

Так, сильные критерии чувствительности к причинам для процессов Ех-типа, определенные с учетом роли эвиденциально-регулятивных структур, задействованных в процессе (восприятия), требуют, чтобы *во всех возможных мирах* при формировании убеждений на основе этих процессов чувствительность к воздействию внедоксистических факторов в силу определенных эвиденциальных регуляторов трансформировалась в *восприимчивость* и адекватную *реактивность* в отношении к тому, что составляет основание для таких убеждений. Достижение чувствительности к причинам в нормативно сильном смысле означает, в особенности, что во всякой контрфактической ситуации должна быть реализована диспозиция к распознаванию дефиторов, что, в свою очередь, должно соответствующим образом сказываться

на убеждениях, формируемых этими процессами.

Представим экстраординарную ситуацию, а именно – кейс «Потемкинские деревни» описанный в оригинале А. Гольдманом [Goldman, 1976, 772-773], отправляясь от которой можно поставить под вопрос необходимость эпистемически сильных критериев чувствительности: *«Вон там находится строение типа X», – так полагает S, потому что он видит объект, который действительно является строением типа X; но если бы S остановился бы перед другим объектом, который выглядит в целом так же, как и строение типа X, то у него посредством того же самого процесса сформировалось бы убеждение, которое было бы ошибочным, потому что все другие сооружения в этой местности, будучи довольно реалистичными подделками, лишь кажутся строениями типа X, если рассматривать их из той перспективы, из которой S рассматривает единственно реальное строение, которое случайным образом попало в поле его зрительного восприятия.* Анализ показывает, что для целого класса проблемных познавательных ситуаций, примером которых является ситуация, описанная в кейсе «Потемкинские деревни», включенность восприятия в горизонт имплицитно сознательного отношения к эвиденциальным регуляторам не обеспечивает деонтологически достаточной контролируемости убеждений. Универсализация стандарта чувствительности к причинам, требующего, чтобы *во всякой контрфактической ситуации*, где налицо основания думать по-другому, тождественный когнитивный процесс позволил бы своевременно распознать эти основания, как и факторы, которые могут их подрывать, и правильным образом отреагировать, приводит к проблемно-апорийным следствиям, указывающим на то, что либо процессы данного типа в принципе не являются чувствительными к причинам, и тогда субъект не несет ответственности за содержание и качество значительного класса убеждений, формируемых такого рода процессами (восприятие, память, интроспекция, интуиция), либо сильные критерии чувствительности, определяемые для максимально широкого класса контрфактических ситуаций, не являются необходимыми для установления деонтологически достаточной меры контроля над доксистическими установками [Robitzsch, 2019, 24-26].

Проблема определения спектра релевантных контрфактических сценариев

Стратегия ослабления критерия чувствительности механизма к причинам за счет ограничения круга контрфактических ситуаций, с которыми должна сопоставляться работа механизма формирования убеждений в фактической ситуации, является методологически оправданной, поскольку способ удостоверения того, что для данного механизма выполняются условия восприимчивости и адекватной реактивности в отношении к надлежащим причинам, предполагает исследование спектра альтернативно-возможных сценариев, в которых действует тот же когнитивный механизм, но прослеживается вариация того, что дает основания для убеждений, – альтерация убеждений, состроенная с вариацией этих факторов регулярным образом, рассматривается как надежный индикатор чувствительности актуально действующего механизма к причинам, – такой подход принимается исходя из общего понимания чувствительности к причинам как диспозиционального, т.е. модального свойства. Однако, определение *критерия релевантности* для ограничения спектра тех ситуаций, в которых за счет поступления новых вводных данных, включающих также информацию о дефиторах, изменяются основания для убеждений, составляет особо трудную проблему, для решения которой требуются дополнительные эпистемологические исследования.

Проблема релевантности выходит на первый план, когда в классе контрфактических ситуаций выделяются ситуации, перцептуально эквивалентные фактической, но отличные по объективным параметрам (как в известном кейсе «Потемкинские деревни»), таким, что если бы агент распознал эти параметры (условие восприимчивости), то это, возможно, заставило бы его воздержаться от признания того, в чем убеждает наличный опыт (условие реактивности), но чувствительность к причинам в актуальной ситуации оказывается под вопросом, потому что ничто в ситуациях такого рода не указывает на то, что, когнитивный процесс (процесс восприятия), оперируя на основе данных, обеспечивающих перцептуальную эквивалентность (в смысле, указанном Гольдманом [Goldman, 1976, 779-780]), позволит агенту распознать эти параметры и на этой основе усомниться в обоснованности тех убеждений, к которым предрасполагает опыт; однако, отправляясь от той же самой фактической ситуации, можно выделить и другой подкласс контрфактических ситуаций, в которых проявляется достаточная восприимчивость и адекватная реактивность в отношении к причинам и реализуется диспозиция отношения к эвиденциальным регуляторам, – определение чувствительности механизма к эпистемическим причинам на этом подклассе, как и квалификация убеждений в плане их обоснованности, гарантированно дает положительный результат. Налицо новая апория.

Чувствительности к причинам как ситуативно зависимое свойство

Гипотеза решения проблемы определения спектра релевантных контрфактических ситуаций, на которых следует определять чувствительность механизма к причинам, состоит в конвергенции первого подкласса контрфактических ситуаций со вторым за счет введения дополнительного условия, которое заключается в допущении внешнего актуализатора потенциалов диспозиционального контроля (например, агенту раскрывается специфика той аномальной ситуации, в которой для получения знания требуются больше когнитивных ресурсов, чем обеспечивает восприятие в стандартных условиях) и выражается сослагательным кондиционалом, ограничивающим первый подкласс ситуациями, в которых агент каким-то образом, не предзаданным в рамках текущего процесса, узнает о факторах, выступающих в роли дефикторов (например, агенту сообщается о том, что он находится в Потемкинской деревне): если бы в перцептуально эквивалентной контрфактической ситуации субъект каким-то образом узнал о реальном положении дел, в силу которого для него стало бы очевидно, что убеждения, индуцируемые опытом, не являются *prima facie* обоснованными, а задействованный механизм – благодаря устойчивой диспозицией отношения к эвиденциальным регуляторам – позволил бы ему отреагировать эпистемически адекватным образом, то когнитивный процесс или механизм является чувствительным к причинам, и эта чувствительность составляет достаточное условие контроля над убеждениями.

Но адекватность такого решения эпистемическому деонтологизму является сомнительной, потому что решение это, по-видимому, предполагает нарушение тождественности когнитивного процесса и достигается за счет такого ослабления условия восприимчивости, которое – даже при допущении адекватной реактивности – делает чувствительность когнитивного процесса к причинам диспозициональным свойством, которое проявляется в контингентной зависимости от ситуации. Следовательно, данное решение не является адекватным с точки зрения приписывания субъекту ответственности за те убеждения, которые у него складываются в фактически данной ситуации.

Есть ли решение?

Пока в рамках принятой методологии анализа не выведена формула релевантного ограничения круга контрфактических ситуаций для установления такой чувствительности механизма к причинам, которая была бы индикатором реализации прямого синхронического оценочного контроля, выделять именно эту форму контроля в качестве базового условия возможности эпистемически ответственного менеджмента убеждений, особенно таких, которые формируются процессами Ех-типа, означало бы предполагать ее деонтологическую достаточность, не обладая при этом точными критериями, исходя из которых можно было бы оценивать, насколько ответственной является позиция агента в фактических ситуациях. Проблема эта представляет одну из апорий, которые необходимо преодолеть, чтобы основания для утверждения докстатической ответственности, выделяемые с позиций компатибилизма, получили достаточно строгое нормативно-критериальное выражение в форме эпистемико-деонтологического стандарта, применимого к различным типам когнитивных процессов.

Заключение

Компатибилистский подход обеспечивает эвристический сдвиг проблемы докстатической ответственности главным образом за счет выделения особой формы контроля над убеждениями и/или процессами их формирования и обоснования ее деонтологической адекватности для того, чтобы полагать агента ответственным за убеждения в значительном спектре познавательных и практических ситуаций. Основу компатибилистского решения составляет концепция контроля управления – руководящего контроля, реализуемого в отношении докстатических установок, согласно которой усвоение и поддержание убеждений является контролируемым, если в каузальной архитектонике когнитивных процессов, распознаваемых субъектом как процессы реализации собственных познавательных способностей, проявляется достаточная чувствительность к факторам, дающим основания для убеждений

Во-первых, такая концепция, разработанная с учетом пересмотра принципа альтернативных возможностей, позволяет отразить в ряде ключевых моментов критику докстатического волюнтаризма, демонстрируя совместимость эффективного контроля докстатической сферы с условиями ее когнитивно-эвиденциальной детерминации. Во-вторых, развитие этой концепции обеспечивает теоретическую основу для интеграции в основания этики убеждений принципов эпистемического деонтологизма, в парадигме которых статус обоснованности убеждений определяется исходя из безупречности позиции субъекта в плане выполнения релевантных обязательств, потому что назначение последних оправдано при условии достаточно эффективной контролируемости докстатических установок, предполагающей, в числе прочего, способность субъекта управлять формирующими их когнитивными процессами, и определять, чему верить и какие убеждения поддерживать, руководствуясь релевантными соображениями. В этом плане контроль управления, т.е. руководящий контроль, основанный на чувствительности к эпистемическим причинам, может классифицироваться как форма оценочного контроля, поскольку целенаправленно фокусируется на эпистемическом качестве убеждений.

Исследование показало, что если одно из условий руководящего контроля, а именно – собственность механизма формирования убеждений, означающая, что исторически агент принял ответственность за состояние и результаты работы этого механизма, согласуется со

статусом агента – автономного деятеля, источника сознательно-волевой активности, то базовое условие, выражаемое принципом чувствительности к причинам, изначально определяемое в терминах свойств когнитивных процессов или механизмов, является в этом плане более проблемным: принцип чувствительности к причинам допускает экспликацию как в плане нормативно-эвиденциальных ограничений, требующих сознательного отношения со стороны агента, так и в плане функциональных характеристик когнитивных процессов, формирующих убеждения, – различие этих перспектив отражает неоднозначное перераспределение потенциалов агентивного или механистического подходов.

Если следовать принципам функционально-механистического подхода и определять восприимчивость к причинам наряду с реактивным отношением исключительно в терминах свойств когнитивных процессов, то проблематичным оказывается обоснование каузальной роли в формировании убеждений сознательного восприятия субъектом того, что служит для них основанием, – если реакция на то, что дает основания для убеждения, не обусловлена признанием последних, то субъект оказывается безучастным в этих процессах, что ставит под сомнение его ответственность за убеждения, формируемые этими процессами. Исходя из этого для чувствительных к причинам когнитивных процессов вводится правило каузальной эффективности собственного признания субъектом того, что составляет разумную причину и достаточное основание для убеждений, – регулярное действие когнитивного механизма на основе признания причин, должна проследиваться в спектре релевантных контрфактических ситуаций. Но агентивный подход, требующий усвоения убеждений на основе эксплицитного признания эвиденциальных оснований, которое можно было бы выразить суждениями высшего порядка, индуцирует высокие стандарты сознательности и оказывается репрессивным по отношению к процессам *Ех-типа*, оперирующими данными, представляющими вклад внедоксастических факторов.

Для процессов *Ех-типа*, парадигматическим примером которых является процесс генерации убеждений на основе восприятия, гипотетически предусмотрена такая спецификация критериев чувствительности к причинам, которая основывается на допущении эффективности диспозиционного контроля: распознавание причин не предполагает с необходимостью актуального сознавания, но может осуществляться в форме имплицитно-сознательного отношения к факторам, эвиденциальная значимость которых могла бы быть раскрыта, если бы потребовалось, чтобы субъект привел на ум основания для убеждений, сформировавшихся таким образом. Однако анализ показал, что понятие диспозиционного контроля допускает экспликацию с разных теоретических позиций. Одна из таких позиций признает проблематичность обоснования прямой контролируемости убеждений, в механизме формирования которых задействованы паттерны когнитивно-спонтанных реакций на внешние стимулы, но допускает, что перцептивные убеждения, будучи продуктами комплексной обработки сенсорной информации, являются опосредованно подконтрольными субъекту, если в порядке ревизии того, в чем убеждает опыт, задействованы критические и конструктивные функции рефлексивно-оценочного метасознания. Такая форма диспозиционного контроля оптимально подходит для отбора уже сложившихся убеждений, в котором нельзя обойтись без суждений высшего порядка, но эффективность ее в плане синхронического мониторинга и контроля диспозиций к убеждениям, формирующимся процессами *Ех-типа*, требует дополнительного обоснования.

Более перспективной представляется феноменологическая гипотеза решения вопроса об условиях возможности синхронического контроля убеждений, формирующихся процессами *Ех-типа*: конституентом сознательности восприятия является охваченность потока впечатлений

актуальным горизонтом сознания, интегрирующего, в числе прочего, дорефлективные эвиденциальные регуляторы, которые определяют границы непосредственного доверия к тому, в чем убеждает текущий опыт, и делают разрешение спонтанно возникающей уверенности в убеждение регулируемым процессом. В роли эвиденциального регулятора выступает не сама по себе восприимчивость к эмпирически вводимой информации, сопряженная с рудиментарной реакцией на внедоксастические факторы, обеспечивающие то, что при последующем объяснении может быть выделено в качестве основания для убеждений, но *синхронически поддерживаемая диспозиция* к тому, чтобы «быть настороже» и адекватно реагировать на дефиторы, – перцептивные убеждения являются *prima facie* обоснованными, при условии исключения факторов, подрывающих доверие к текущему опыту, но без учета способности *поддерживать и корректировать собственные установки на основе эвиденциальных регуляторов*; такую обоснованность нельзя было бы связать с ответственной позицией агента, т.е. интерпретировать деонтологически. Комбинация дефиторологического подхода с феноменальным консерватизмом представляет лишь одну из концептуальных возможностей определения понятия эвиденциального регулятора; но такое определение наилучшим образом соотносится с концепцией руководящего контроля, которая полагает процессы, чувствительные к причинам, управляемыми агентом при условии, что сохраняется открытой возможность вмешательства контрфактуального корректора. Методологический недостаток дефиторологического подхода заключается в том, что применение его переносит исходную проблему на новый уровень, что может привести к регрессу (дефиторы требуют такой же распознаваемости и реактивности, как и основания для убеждений); концептуальные же его недостатки уже выявлены критиками при анализе того, как этот подход используется для решения проблемы Геттиера.

Следует признать, что вопрос установления строгих эпистемико-деонтологических критериев на основе определения такой степени контролируемости убеждений, которая была бы достаточной для утверждения доксастической (а в более строгом смысле – эпистемической) ответственности субъекта, так и не получил однозначного решения, которое было бы применимым к различным типам процессов. Степень контролируемости убеждений зависит от уровня чувствительности механизма их формирования к надлежащим причинам, при этом свойство респонсивности истолковывается изначально как диспозициональное (или модальное), – для измерения чувствительности к причинам необходимо исследовать спектр релевантных контрфактических ситуаций, в которых при тождестве механизма вариативными оказываются основания для убеждений, и установить прослеживается ли в этом спектре возможных миров регулярная восприимчивость и адекватная реактивность в отношении к факторам, формирующим эти основания. Однако, методология контрфактуально-ситуативного анализа сама по себе не позволяет в полной мере учесть асимметричность, форму реализации и специфику взаимосвязи и этих условий для каждого из типов процессов (признание оснований, выразимое суждениями, в процессах Dх-типа vs чувствительность к внедоксастическим факторам, сопряженная с действием эвиденциальных регуляторов, в процессах Ех-типа).

Основная проблема, выявленная при использовании данной методологии для определения того, какая степень контролируемости убеждений, формируемых процессами Ех-типа, является достаточной с деонтологической точки зрения, заключается в *отсутствии четких критериев*, исходя из которых можно было бы ограничить спектр контрфактических ситуаций, исследуемых для диагностики чувствительности механизмов к причинам. Если *сильные* критерии чувствительности к причинам, заданные для процессов Ех-типа, исходя из допущения релевантности всех возможных миров, не являются необходимыми, а *слабые* критерии,

допускающие установление чувствительности механизма к причинам, исходя из анализа его работы в одном из возможных миров, не являются достаточными, то закономерно возникает вопрос о том, как на основе контрфактуально-ситуативного анализа установить такие критерии, которые были бы оптимальными для определения степени контролируемости убеждений, достаточной для утверждения докстической ответственности субъекта. Для решения этого вопроса требуется или модификация методологии контрфактуального анализа, или адаптация принципов руководящего контроля для преимущественной разработки положения о формах косвенного контроля качества убеждений, или же трансформация теоретических оснований компатибилистского подхода в целом. Ключевым моментом такой трансформации могло бы быть переключение с анализа механизмов формирования убеждений на анализ условий, при которых убеждения можно было бы квалифицировать как сами по себе агентивные состояния, обладающие специфической каузальной генеалогией, в которой прослеживается их детерминация как со стороны внешних – экзогенных факторов, так и со стороны собственных ментальных установок – намерений, аффектов, ожиданий, целеустремлений и других убеждений, образующих мотивационную текстуру деятельности, – исходя из этого можно было бы уже ставить вопрос о том, насколько в этой текстуре выражены диспозиции к проявлению адекватной чувствительности к надлежащему классу причин, позволяющей контролировать эти состояния деонтологически достаточным способом.

Библиография

1. Галухин А.В. От деонтологизма к интернализму в теории эпистемического обоснования: критика аргумента К. Гине // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 4А. С. 21-43. DOI: 10.34670/AR.2022.65.38.005
2. Alston W.P. The Deontological Conception of Epistemic Justification // *Philosophical Perspectives*. 1988. Vol. 2. Epistemology. P. 257-299.
3. Descartes R. *Meditations on First Philosophy* (first published 1641) // *The Philosophical Writings of Descartes*. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 444 p.
4. Feldman R. Voluntary Belief and Epistemic Evaluation // *Knowledge, truth, and duty: essays on epistemic justification, responsibility, and virtue*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 77-92.
5. Fischer J.M., Ravizza M. Responsibility and control: A theory of moral responsibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 277 p.
6. Frankfurt H.G. Alternate Possibilities and Moral Responsibility // *The Journal of Philosophy*. 1969. Vol. 66. No. 23. P. 829-839.
7. Goldman A.I. Discrimination and perceptual knowledge // *The Journal of Philosophy*. 1976. Vol. 73 (20). P. 771-791.
8. Goldman A.I. Reliabilism: What is justified belief? // *The theory of knowledge: Classical and contemporary readings*. Belmont: Wadsworth Publishing, 1999. P. 306-319.
9. Heil J. Doxastic Agency // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1983. Vol. 43. No. 3. P. 355-364.
10. Huemer M. Compassionate Phenomenal Conservatism // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2007. Vol. 74. No. 1. P. 30-55.
11. Kornblith H. Justified Belief and Epistemically Responsible Action // *The Philosophical Review*. 1983. Vol. 92. No. 1. P. 33-48.
12. Lehrer K., Paxson T. Knowledge: Undefeated Justified True Belief // *The Journal of Philosophy*. 1969. Vol. XVI. № 8. P. 225-237.
13. Lehrer K. Discursive Knowledge // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2000. Vol. 60. No. 3. P. 637-653.
14. Levy N. Doxastic responsibility // *Synthese*. 2007. Vol. 155 (1). P. 127-155.
15. Lockie R. Free Will and Epistemology. A Defence of the Transcendental Argument for Freedom. New York: Bloomsbury Academic, 2018. 303 p.
16. McCormick M. Taking Control of Belief // *Philosophical Explorations*. 2011. Vol. 14 (2). P. 169-83.
17. McHugh C. Epistemic responsibility and doxastic agency // *Philosophical Issues*. 2013. Vol. 23 (1). P. 132-157.
18. Nottelmann N. Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontology. Dordrecht: Springer, 2007. 268 p.
19. Plantinga A. Warrant: The Current Debate. New York and Oxford. Oxford University Press, 1993. 228 p.

20. Robitzsch A. An Externalist Approach to Epistemic Responsibility. Intellectual Norms and their Application to Epistemic Peer Disagreement // Synthese Library. Vol. 411. Cham: Springer, 2019. 227 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-19077-4>
21. Ryan S. Doxastic Compatibilism and the Ethics of Belief // Philosophical Studies. 2003. Vol. 114. P. 47-79.
22. Steup M. The Deontic Conception of Justification // Philosophical Studies. 1988. Vol. 53. P. 65-84.
23. Steup M. Justification, Deontology, and Voluntary Control // Conceptions of Knowledge. Berlin and Boston: De Gruyter, 2012. P. 461-485.
24. Turri J. On the Ontology of Epistemic Reasons // Nous. 2009. Vol. 43. P. 490-512.

Aporias of the Compatibilist Solution to the Problem of Doxastic Responsibility

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Associate Professor at the Department of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

The article presents an analysis of the principles of the compatibilist approach to solving the problem of doxastic responsibility. The content of this problem is determined by considering the critique of voluntaristic assumptions regarding the ability of a subject to exercise effective control over his own beliefs, sufficient to assert the subject's responsibility for acquiring and maintaining beliefs that satisfy standards of epistemic quality. The question of the necessity for the assertion of doxastic responsibility of the subject of each of the conditions of guiding control is considered – the condition of ownership of the mechanism (process) of belief formation and the condition of the sensitivity of this mechanism to reasonable (epistemic) reasons. An alternative phenomenological hypothesis is considered: the constituent of the consciousness of perception is the coverage of the flow of impressions by the actual horizon of consciousness, which integrates, among other things, pre-reflective evidential regulators, which include the disposition to recognize and respond to factors that undermine confidence induced by experience. To reveal the concept of an evidential regulator, a combination of a dephytorological approach with phenomenal conservatism is used. However, the question of determining the degree of controllability of beliefs, which would be sufficient to assert the doxastic responsibility of the subject, remains open until criteria are found for limiting the range of counterfactual situations in which the dispositional property of mechanisms to respond to reasons should be manifested.

For citation

Galukhin A.V. (2023) Aporii kompatibilistskogo resheniya problemy doksasticheskoi otvetstvennosti [Aporias of the Compatibilist Solution to the Problem of Doxastic Responsibility]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (7A), pp. 5-32. DOI: 10.34670/AR.2023.66.97.001

Keywords

Ethics of belief, doxastic responsibility, epistemic deontologism, compatibilism, doxastic voluntarism, guidance control, cognitive process, reasons-responsiveness, evidential regulator, counterfactual situation.

References

1. Alston W.P. (1988) The Deontological Conception of Epistemic Justification. *Philosophical Perspectives*, 2, pp. 257-299.
2. Descartes R. (1984) *Meditations on First Philosophy* (first published 1641). In: The Philosophical Writings of Descartes. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Feldman R. (2001) Voluntary Belief and Epistemic Evaluation. In: *Knowledge, truth, and duty: essays on epistemic justification, responsibility, and virtue*. Oxford: Oxford University Press.
4. Fischer J.M., Ravizza M. (1988) *Responsibility and control: A theory of moral responsibility*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Frankfurt H.G. (1969) Alternate Possibilities and Moral Responsibility. *The Journal of Philosophy*, 66, 23, pp. 829-839.
6. Galukhin A.V. (2022) Ot deontologizma k internalizmu v teorii epistemicheskogo obosnovaniya: kritika argumenta K. Gine [From deontologism to internalism in a theory of epistemic justification: a critique of C. Ginet's argument]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (4A), pp. 21-43.
7. Goldman A.I. (1976) Discrimination and perceptual knowledge. *The Journal of Philosophy*, 73 (20), pp. 771-791.
8. Goldman A.I. (1999) Reliabilism: What is justified belief? In: *The theory of knowledge: Classical and contemporary readings*. Belmont: Wadsworth Publishing.
9. Heil J. (1983) Doxastic Agency. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 43, 3, pp. 355-364.
10. Huemer M. (2007) Compassionate Phenomenal Conservatism. *Philosophy and Phenomenological Research*, 74, 1, pp. 30-55.
11. Kornblith H. (1983) Justified Belief and Epistemically Responsible Action. *The Philosophical Review*, 92, 1, pp. 33-48.
12. Lehrer K., Paxson T. (1969) Knowledge: Undefeated Justified True Belief. *The Journal of Philosophy*, XVI, 8, pp. 225-237.
13. Lehrer K. (2000) Discursive Knowledge. *Philosophy and Phenomenological Research*, 3, pp. 637-653.
14. Levy N. (2007) Doxastic responsibility. *Synthese*, 155 (1), pp. 127-155.
15. Lockie R. (2018) *Free Will and Epistemology. A Defence of the Transcendental Argument for Freedom*. New York: Bloomsbury Academic.
16. McCormick M. (2011) Taking Control of Belief. *Philosophical Explorations*, 14 (2), pp. 169-83.
17. McHugh C. (2013) Epistemic responsibility and doxastic agency. *Philosophical Issues*, 23 (1), pp. 132-157.
18. Nottelmann N. (2007) *Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontologism*. Dordrecht: Springer.
19. Plantinga A. (1993) *Warrant: The Current Debate*. New York and Oxford. Oxford University Press.
20. Robitzsch A. (2019) An Externalist Approach to Epistemic Responsibility. Intellectual Norms and their Application to Epistemic Peer Disagreement. In: *Synthese Library. Vol. 411*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-19077-4>
21. Ryan S. (2003) Doxastic Compatibilism and the Ethics of Belief. *Philosophical Studies*, 114, pp. 47-79.
22. Steup M. (1988) The Deontic Conception of Justification. *Philosophical Studies*, 53, pp. 65-84.
23. Steup M. (2012) Justification, Deontology, and Voluntary Control. In: *Conceptions of Knowledge*. Berlin and Boston: De Gruyter.
24. Turri J. (2009) On the Ontology of Epistemic Reasons. *Nous*, 43, pp. 490-512.